

ний Северо-Западного Причерноморья. В количественном отношении преобладают фрагменты лепной керамики скифского облика, что характерно для левобережья Днестра.

Чернолаковая посуда представлена фрагментами небольших сосудов (лекифов, киликов) аттического производства конца VI—V вв. до н. э. (рис. 2, 3—4). Зафиксировано несколько обломков коринфского (?) производства (рис. 2, 5—6).

Среди других находок следует отметить прежде всего фрагмент терракоты, изображающей нижнюю часть человеческого лица (Деметра?) (рис. 2, 7), биконические пряслица, обломки железного серпа (рис. 2, 8), бронзовый наконечник стрелы.

По-видимому, поселение существовало в конце VI—V вв. до н. э. Экономика его складывалась из занятий жителей земледелием, скотоводством, рыболовством.

Судя по находкам шлаков, население занималось гончарным и железодельным ремеслами. Известную роль в экономике играла торговля с другими греческими центрами.

Раскопки поселения у с. Беляевка представляют значительный интерес, так как это один из немногих памятников эпохи греческой колонизации в Нижнем Поднестровье.

Э. И. ДИАМАНТ

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК V—III вв. н. э. НА МЕСТЕ ПРИМОРСКОГО БУЛЬВАРА В ОДЕССЕ

Северо-Западное Причерноморье в междуречье Буго-Днепровского лимана и Днестра, в том числе побережье Одесского залива, давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Об античных находках в этом районе побережья писали И. П. Бларамберг¹, И. А. Стемповский², З. Аркас³, П. В. Беккер⁴, А. С. Уваров⁵, Ф. К. Брун⁶, В. Н. Юргевич⁷, Э. Р. Штерн⁸, Э. Миннс⁹ и др. Вызвано это указаниями древних авторов на ряд населенных пунктов на

¹ Blaramberg. Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris, 1822, с. 6.

² И. А. Стемповский. Исследования о местоположении древнегреческих поселений на берегах Понта Эвксинского по случаю найденных в Одессе древностей. СПб., 1826, с. 160; его же. Известия о древностях, найденных в Одессе в течение лета 1826 года. СПб., 1827.

³ З. Аркас. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту безименного автора с местами, обозначенными на Меркаторской карте Черного моря по последней описи 1836 года капитан-лейтенанта Манганари. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1853, с. 144—150.

⁴ П. В. Беккер. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1853, с. 151—209.

⁵ А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. II. СПб., 1856, с. 146—148.

⁶ Ф. К. Брун. Черноморье, ч. I. Одесса, 1865, с. 72—97.

⁷ В. Н. Юргевич. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества (истории и древностей). — ЗООИД, т. XIV. Одесса, 1886, с. 27—51.

⁸ Э. Р. Штерн. Археологические новинки. — ЗООИД, т. XXV. Одесса, 1904, с. 60—61.

⁹ E. Minns. Scythians and Greek, Cambridge, 1913.

побережье к западу от Ольвии¹⁰ и археологическими находками при строительстве города и порта в 20-е годы XIX ст.¹¹

Начало изучения античных поселений в Северо-Западном Причерноморье совпадает с организацией и деятельностью Археологического музея в Одессе. Особая роль в исследовании этих памятников принадлежит И. А. Стемповскому¹².

В отличие от авторов, сводящих проблему к попыткам локализации тех или иных поселений, упоминаемых древними авторами, и не приводящих доказательств своих определений¹³, И. А. Стемповский, кроме определения местонахождения памятников, приводит детальное описание места, обстоятельств находок и самих находок.

Сведения об античных памятниках Северо-Западного Причерноморья, в частности побережья Одесского залива, содержатся также в работах советских авторов¹⁴. Экспедициями Одесского археологического музея производились раскопки открытого в 1929 г. Лузановского поселения, расположенного над пересыпью Куяльницкого лимана¹⁵. Охранные работы проводились в северной части Одесской бухты на Жеваховском поселении¹⁶. Накопленные в настоящее время материалы позволяют систематизировать сведения об античных памятниках побережья Одесского залива.

Впервые находки античного времени на побережье Одесского залива обнаружены в районе нынешнего Приморского бульвара, расположенного на верхней террасе морского берега в центральной части Одесской бухты. На протяжении почти полутора столетий своего существования площадь, занимаемая бульваром, претерпела значительные изменения, склоны во многих местах были подсыпаны. Однако верхнее плато осталось без существенных изменений¹⁷. Оно простирается с юго-запада на северо-восток на 500 м, с востока ограничено высоким береговым обрывом, с юго-запада и северо-востока — глубокими природными балками (современные улицы Жанны Лябурб и спуск Вакулинчука), с запада на расстоянии 300 м от берегового обрыва (современная Театральная площадь) повышается и переходит в равнину. Здесь, по данным И. П. Бларамберга, еще в 1813 г. найдены обломки античных сосудов¹⁸.

¹⁰ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, № 1. М., 1948, с. 273; № 2, 1948, с. 239; № 4, 1948, с. 236; № 2, 1949, с. 279.

¹¹ Blaramberg. Указ. соч.

¹² И. А. Стемповский. Исследования о местоположении...; его же. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. СПб., 1827.

¹³ П. В. Беккер в указ. соч. помещает гавань Исаков на месте Приморского бульвара, а гавань Истриан — в районе Куяльницкого лимана. С. Д. Пападимитриу (Местонахождение древней Одессы. — ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1911, с. 25—26) перемещает гавань Исаков в район с. Черноморка на сторону Сухого лимана.

¹⁴ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1951, с. 42—49; М. С. Синицын. Карта поселень і городищ між гірлами Дністра і Південного Бугу скіфо-сарматського часу. — НЗОДП, т. X. Одеса, 1955, с. 42, 44—46; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, № 50. М., 1956, с. 250; В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966, с. 167.

¹⁵ Г. Д. Штейнванд. Коротке звітчення з розкопуванням в Лузанівці біля Одеси р. 1929. — ВОКК, ч. 4-5. Одеса, 1930, с. 135; М. С. Синицын. Раскопки в Лузановке, произведенные Одесским историко-археологическим музеем в 1929—1939 гг. — МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, с. 67—78.

¹⁶ Э. И. Диамант. Поселения античного времени на территории г. Одессы. — АО 1973 г. М., 1974, с. 270—271.

¹⁷ «Одесский вестник», 1867, № 119.

¹⁸ Blaramberg. Указ. соч.

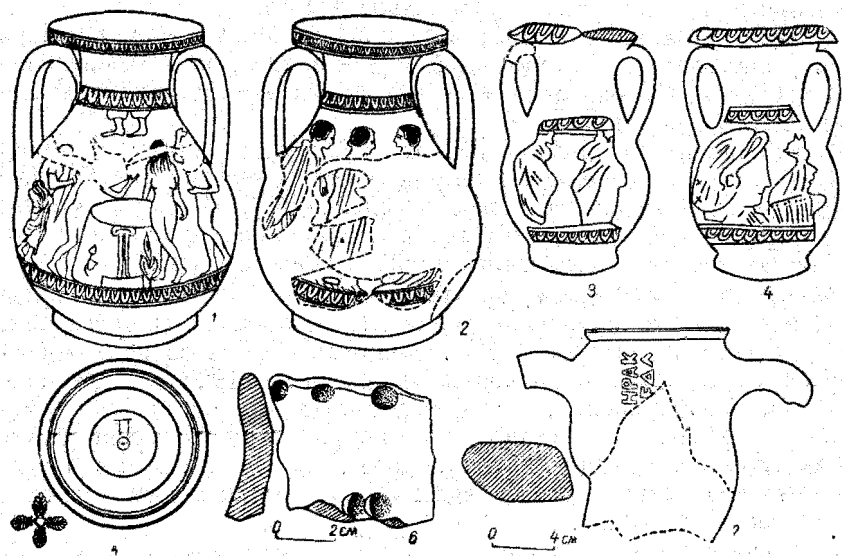

Рис. 1. Керамика с поселения и некрополя V—III вв. до н. э., а также с поселения и некрополя на месте Приморского бульвара в Одессе:

1, 2 — пелика с изображением купающихся женщин; 3, 4 — пелика с изображением амазонок; 5 — доньшко чериолакового килика с пальметкой и граффито; 6 — обломок края лепного горшка; 7 — шейка гераклеяской амфоры с клеймом.

Один из сосудов, найденный в 1823 г. в погребении с остатками человеческого скелета во дворе дома Телесниченко на глубине 1,4 м, был описан И. А. Стемпковским¹⁹. По сохранившемуся в Воронцовском фонде Научной библиотеки Одесского университета графическому рисунку этого сосуда²⁰ (рис. 1, 3, 4) целиком восстанавливается его форма и детали краснофигурной росписи. Сосуд имеет вытянутые пропорции (высота 0,18 м). Высокая шейка с перехватом венчается широким раструбом. Ободок горла низкий, вертикальный. Ручки округлены и слегка прогнуты. Тулово, раздутое в средней части, сужается книзу, подставка плоская, профилирована в виде валика. На лицевой стороне большая женская голова, вправо и на уровне с ней протома грифона. Голова и лицо амазонки занимают большую часть рисунка. Лицо и шея покрыты белой облицовкой, волосы выделены темными полосами. Голова грифа небольшая, с округло выступающей лобной частью. Клюв короткий. Длинная шея постепенно расширяется книзу. Справа по шее широкий гребень с зубцами. Спереди на шее дуговидные линии. Крыло отделено от шеи двумя тонкими полосками с точками между ними. По краю сверху и внизу рисунка, а также по краям ободка орнамент из овы. На оборотной стороне две фигуры в гиматиях. Правая фигура с поднятой к груди рукой. Между фигурами помещен кружок. Сосуды такого типа, составляющие часть погребального инвентаря, принято называть поздними боспорскими пеликами²¹. Пелики, подобные нашей, М. М. Кобылина датирует концом IV — началом III в. до н. э.²²

¹⁹ И. А. Стемпковский. Исследования о местоположении..., с. 5—10.

²⁰ Рисунок был вклеен в дарственный экземпляр книги И. А. Стемпковского «Исследования о местоположении...».

²¹ М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. — МИА, № 19. М., 1951, с. 137—170.

²² Там же, с. 152.

В Одесском археологическом музее хранится еще один сосуд, найденный в районе Приморского бульвара в 1826 г.²³, представляющий собой краснофигурную пелику. Подобный сосуд, найденный в обломках в Одессе «между театром и крутым берегом», упоминается А. С. Уваровым²⁴. Сличение нашей пелики с сосудом, изображенным на рисунке, опубликованном А. С. Уваровым²⁵, позволяет утверждать их полную идентичность. Однако рисунок дополнен отсутствующими у оригинала деталями²⁶. Сосуд имеет несколько приземистые формы. Короткое горло, плавно закругляющееся к тулову, оканчивается прямым нависающим венчиком с пояском по краям. Раструб горла широкий (диаметр 0,12 м). Ручки, округло согнутые в верхней части, с четким вертикальным ребром на внешней стороне, начинаются прямо под венчиком. Тулово раздуто и расширяется к основанию. Подставка низкая, простая, в виде диска. Венчик с чередующимися точками орнаментирован овами, нанесенными по оставленному в цвете глины полю. На ручках, в основании их, большие пальметты с волотами.

Рисунок расположен на тулове и плечиках сосуда. По краям сверху и внизу рисунка орнамент из овы, заключенных в рамку, образуемую черными поясками. В верхней, ограничивающей рисунок рамке овы представлены в цвете глины с такими же чередующимися сдвоенными ромбиками. В остальных случаях овы, чередующиеся точками, нанесены по оставленному в цвете глины полю. В центре композиции лутерий на высокой ножке с широкой подставкой. По обе стороны лутерия четыре стоящие обнаженные женские фигуры. Крайняя слева фигура изображена в профиль вправо (лицо и шея не сохранились). На женщине тонкий длинный хитон, спущенный с плеч ниже пояса. Складки хитона показаны тонкими рельефными линиями. Верхняя часть тела обнажена. С опущенной вниз головы пучком свисают длинные, почти до колен, волосы, отжимаемые согнутыми в локтях и протянутыми вперед руками. По левую сторону лутерия обнаженная женская фигура в профиль вправо (голова и шея не сохранились). Женщина грудью опирается на край лутерия. Правая рука по локоть опущена в воду, левая, согнутая в локте, приподнята над сосудом ладонью вверх. По правую сторону лутерия, немного впереди него, обнаженная женская фигура в фас (лицо и правая рука не сохранились). Длинные прямые волосы распущены и свободно спадают на плечи и грудь. Сохранилась верхняя часть головы в высокой прическе. Волосы покрыты сплошным лаком. Левая рука чуть согнута в локте и протянута вперед и в сторону. Крайняя правая обнаженная женская фигура изображена в профиль влево (шея, лицо и голова не сохранились). Правая рука поднята над головой кистью вправо ладонью вниз. В левой руке, согнутой в локте и протянутой поперек туловища, продолговатый, с загнутым вверх острием предмет. В центре рисунка над лутерием и фигурами купающихся подвешена обувь. Внизу по левую сторону лутерия у ног изображенной в профиль, опирающейся на сосуд обнаженной женской фигуры плющевая ветвь; по правую сторону лутерия у ног изображенной в профиль фигуры ветка с листьями лотоса.

²³ Архив ОАМ, инв. № 23 359.

²⁴ А. С. Уваров. Исследования о древностях..., с. 146 (автор ссылается на И. А. Стемпковского).

²⁵ А. С. Уваров. Собрание карт и рисунков к исследованиям Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1853, табл. XXIX.

²⁶ В Одесском археологическом музее имеется карандашный рисунок расписной пелики, принадлежавший К. Бассолли (Архив ОАМ, инв. № 83179, табл. XXXVII), полностью соответствующий рисунку, опубликованному А. С. Уваровым. По-видимому, он и послужил образцом для воспроизведения.

С обратной стороны пелики изображены три мужские фигуры, закутанные в длинные плащи (от правой фигуры, обращенной в профиль влево, сохранились только голова и ступни ног). Прически мужчин покрыты сплошным лаком.

По сюжету и стилю исполнения пелика близка к манере «Мастера купающихся женщин» (третья четверть V в. до н. э.)²⁷. Эта датировка не противоречит форме сосуда, довольно тонко исполненным овам, типам пальметт и трактовке фигур, особенно сравнительно хорошо сохранившемуся рисунку женской полуодетой фигуры. Недостающие части рисунка в результате старой реставрации догипсованы и затонированы. Пелика, найденная на территории г. Одессы, упоминается М. М. Кобылиной²⁸.

Сведения об археологических находках античного времени в районе нынешнего Приморского бульвара в Одессе содержатся и в периодической печати того времени. Это прежде всего материалы, помещенные в газете «Одесский вестник» за 1826—1831 гг., подписанные И. П. Бларамбергом и И. А. Стемповским²⁹. Так, в № 28 за 1826 г. сообщается о находке при земляных работах близ городского театра глиняного сосуда; в № 82 — о древнем захоронении, обнаруженном там же при строительных работах; в № 13 за 1827 г. — о могиле, обнаруженной во время земляных работ у дома Делявоза³⁰; в № 20 — об обнаружении при строительстве дома архитектора Боффо³¹ нескольких древних захоронений; в № 100 за 1831 г. — о находках во время земляных работ внизу и вверху Приморского бульвара древнегреческих сосудов. В погребениях найдены древнегреческие амфоры, а также чернолаковые и расписные сосуды. По клейму ^{319A}30771 на горле амфоры, найденной в одной из могил у дома Боффо, захоронение датируется рубежом V—IV вв. до н. э.³² Некоторые сведения имеются также в журнале «Отечественные записки». Так, в части 26 за 1826 г. сообщается о «раскрытии в Одессе во время земляных работ» двух подкурганых захоронений, а также о находках амфор с клеймами на горлах недалеко от Театральной площади в саду Мари.

В одном из захоронений в головах скелета стоял глиняный сосуд в виде кувшина; с другой стороны находился кинжал с изломанной рукояткой. Кости, найденные в гробнице, были перемешаны с кусками дерева. В другом захоронении находилось два скелета, около которых найдены медные и бронзовые украшения, несколько бус из стеклянной голубоватой массы с украшениями белого цвета, а также несколько кусков стекловидного вещества, оттененного различными переливами голубого цвета³³. К этому можно добавить, что в районе современной площади Мартьяновского к западу от Театральной площади И. А. Стемповским упоминаются скрытые при постройке домов курганы³⁴.

Документально установлено местонахождение большинства домовладений, на землях которых были сделаны описанные археологиче-

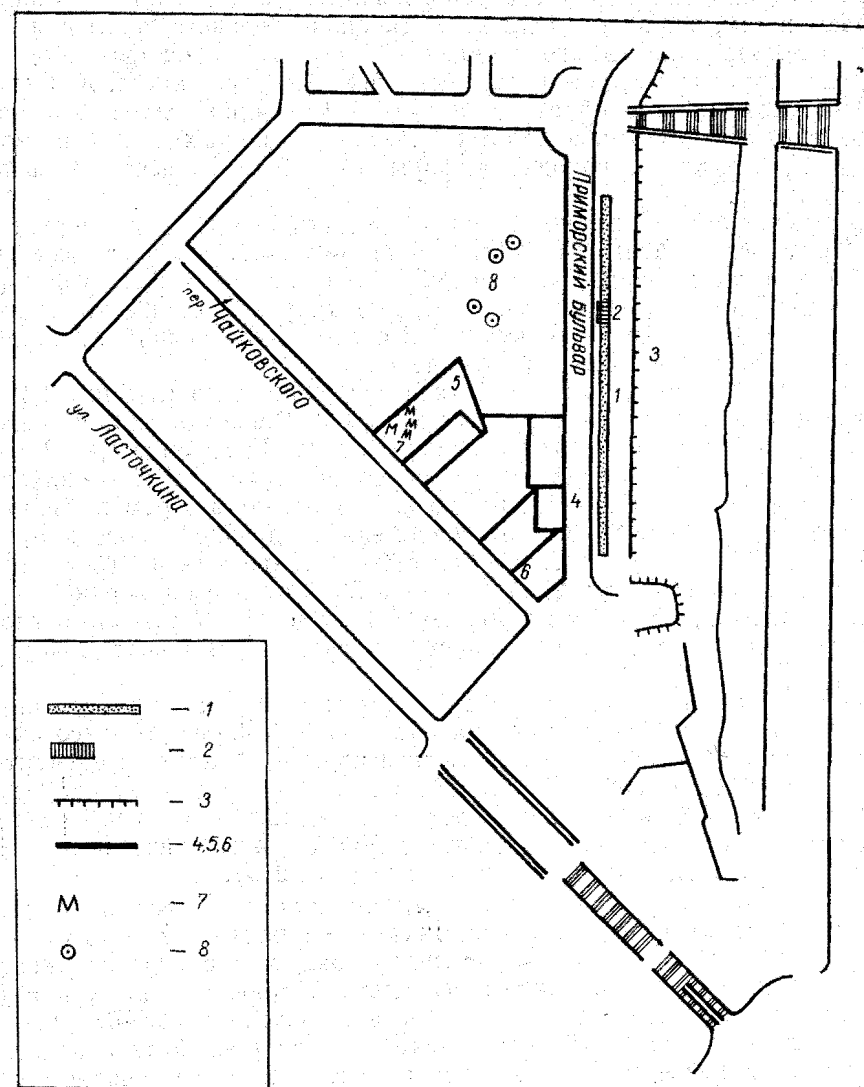

Рис. 2. Схема расположения поселения и могильника в районе Приморского бульвара в г. Одессе:

1 — траншея с обнажением культурного слоя; 2 — исследованный участок поселения; 3 — линия берегового обрыва; 4 — земельные участки Телесницкого, Сен-При, Лопухина; 5 — земельный участок Боффо; 6 — земельный участок Делявоза; 7 — места могильных находок; 8 — единичные находки.

ские находки³⁵ (рис. 2). Они находились между нынешним Приморским бульваром и пер. Чайковского, т. е. в западной части плато, служившей в древности напольной стороной поселения. По западной окраине этой части плато проходила глубокая балка (ныне спуск Вакулинчука), ограничивающая плато с юго-запада.

³⁵ См. «Одесская старина». Одесса, 1869, с. 10; К. М. Висковский. Путеводитель по Одессе. Одесса, 1875, с. 75; Архив ОИКМ, инв. № К-441.

²⁷ J. D. Beazley. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1942, с. 745.

²⁸ М. М. Кобылина. Указ. соч., с. 169.

²⁹ В некоторых случаях материалы печатались без подписи.

³⁰ Дом сохранился до настоящего времени по пер. Чайковского, № 2.

³¹ Дом сохранился до настоящего времени по пер. Чайковского, № 8.

³² Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 122, № 65.

³³ См. «Отечественные записки», ч. 26, 1826, с. 263—265.

³⁴ И. А. Стемповский. Исследования о местоположении..., с. 12.

Обнаруженные в районе Театральной площади и современного пер. Чайковского находки при учете топографического строения местности убеждают в том, что здесь находился некрополь древнего поселения.

О существовании самого поселения и его месторасположении до последнего времени имелись косвенные свидетельства. Так, И. А. Стемповский упоминает об обломках античной керамики, находимой при постройке новых домов и земляных работах, связанных с устройством бульвара³⁶, а также о находке амфоры при рытье погреба во дворе дома Лопухина³⁷.

Произведенная в последние годы шурфовка вдоль всего верхнего плато Приморского бульвара³⁸ (рис. 2, 1) показала, что в его юго-западной части вдоль обрыва к морскому берегу между существующими в настоящее время памятниками А. С. Пушкину и Ришелье на протяжении 250 м прослеживается культурный слой, залегающий от современной дневной поверхности на глубине 1,4 м.

Стратиграфия культурных остатков следующая: до глубины 1,4 м от современной дневной поверхности залегают рухляк с материями второй половины XIX — начала XX ст. На глубине 1,4—2 м — слой суглинка с редкими остатками второй половины XVIII — начала XIX ст. Античный слой IV—III вв. до н. э. залегает в сером подзолистом грунте на глубине 2—3 м от современной дневной поверхности. Шурф (5×1,5 м)³⁹, заложенный на стыке современной гостиницы «Одесса» и соседнего (рис. 2, 2)⁴⁰ дома в 20 м от обрыва верхней террасы морского берега, показал большую насыщенность античного слоя керамическими остатками, большинство которых составляют обломки амфор.

По типу большая часть амфор принадлежит к гераклеийским. Среди амфорных обломков также зафиксированы синопские, фасосские и амфоры типа Солоха-1. Энглифическое клеймо, а также фрагменты такого же клейма на шейках гераклеийских амфор (рис. 1, 7) датируются концом V—IV вв. до н. э.⁴¹ Третьей четвертью V в. до н. э. датируется также донышко чернотерракотового килика с концентрическими кругами на его внешней стороне⁴² и графито (рис. 2, 5).

Наибольшее количество обломков керамики после амфор принадлежит лепной посуде. Среди этой керамики выделяются фрагменты стенок больших толстостенных сосудов хорошего обжига с аккуратно заглаженной лощеной поверхностью серого цвета и сравнительно компактной в изломе глиняной массой с редкими включениями известняка и блесок слюды. Подобные сосуды характерны для ранней лепной керамики, встречающейся в Ольвии; изредка встречаются и лощеные сосуды⁴³.

³⁶ И. А. Стемповский. Исследования о местоположении..., с. 11.

³⁷ Там же, с. 12.

³⁸ Для производства работ была использована траншея шириной до 1,5 м и глубиной до 3 м вдоль всего бульвара. Работы производились под руководством автора настоящей статьи.

³⁹ Размеры шурфа обуславливались глубиной и шириной прорытой траншеи.

⁴⁰ Дома № 8 и 10 по Приморскому бульвару.

⁴¹ В. И. Цехмістренко. До питання про датування гераклеїських клейм. — Археологія, вип. 5, К., 1972, с. 30; Б. А. Василенко. Давньогрецькі керамічні клейма з Одеси. — Археологія, вип. 5, К., 1972, с. 93—94.

⁴² Т. Иванов. Античная керамика из некрополя Аполлонии. — Аполлония. София, 1963, с. 354, табл. 100, № 405—407.

⁴³ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, № 50, М., 1956, с. 160.

Судя по имеющимся фрагментам, преобладающим видом лепной посуды на поселении являются горшки с округло-выгнутыми плечами и более или менее отогнутым наружу венчиком, орнаментированные по краю пальцевыми ямочными вдавлениями (рис. 1, 6). Внешняя поверхность сосудов бугристая, грубо заглажена, темно-серого цвета. Глина в изломе плохо промешана, пористая, слоистая, неравномерного черного цвета, с многочисленными включениями.

Т. П. Книпович, впервые предложившая классификацию этой посуды, относит подобные горшки к первому типу⁴⁴. К. К. Марченко, предложивший по материалам Ольвии несколько более дробную классификацию лепной керамики, также относит подобные нашим горшки к первому типу и датирует их временем не позднее III—II вв. до н. э. Ближайшие аналогии нашим сосудам находятся в степной зоне Северного Причерноморья среди лепной керамики V—III вв. до н. э. Лузановского поселения⁴⁵ и лепной посуды V—III вв. до н. э. Елизаветовского городища⁴⁶, в Каменском городище на Днепре, датируемой IV—III вв. до н. э.⁴⁷, а также среди лепной керамики позднескифских городищ II—I вв. до н. э. на Нижнем Днепре⁴⁸. Кроме амфорного материала и лепной керамики, на поселении представлены кружальная, сероглиняная (простая и с покрытием) и светлоглиняная керамика, а незначительных обломках кухонная посуда. Обломков привозной чернолаковой посуды значительно меньше. Обломки амфор составляют 75%, лепной посуды — 12%, сероглиняной посуды — 10%, чернолаковой и прочей керамики — 2%. Подобный керамический комплекс характерен для поселений степной полосы античного времени конца V—III вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье⁴⁹. При этом количественный состав лепной керамики возрастает по мере удаления поселений сельского типа от Ольвии⁵⁰.

Состояние изученности описываемого памятника в настоящее время не позволяет с достаточной полнотой судить о жизни его населения. Однако несомненно, что в V—III вв. до н. э. на месте современного

⁴⁴ Т. П. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. — В кн.: Ольвия, т. I, К., 1940, с. 132.

⁴⁵ В. Таганова. Сероглиняная посуда Лузановского поселения. — МАСП, вып. 1, Одесса, 1957, с. 71, табл. III.

⁴⁶ К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. Елизаветовского городища на Нижнем Дону. — СА, 1972, № 1, с. 125, рис. 2, 1, 2.

⁴⁷ Б. М. Граков. Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, М., 1954, с. 70, табл. 11.

⁴⁸ М. М. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. — МИА, № 64, М., 1958, с. 131.

⁴⁹ В Лузановском поселении раскопок 1930 г. из общего количества обломков разных сосудов обломки амфор составляли 89%, обломки местной красно- и сероглиняной посуды — 2,5%, лепной — 7%, чернолаковой — 1%, другие обломки — 0,5% (см. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, № 50, М., 1956, с. 249). В поселении Викторівка-1 (с. 243) в количественном отношении серая лепная и гончарная керамика относятся как 1:3 (см. Ф. Рудык. Древнее поселение Викторівка-1. — МАСП, вып. 1, Одесса, 1957, с. 65). На Кошарском поселении IV—III вв. до н. э. обломки амфор составляют 70%, затем следует лепная, кружальная серо- и красноглиняная керамика, кухонная посуда. Обломки чернолаковой и краснофигурной керамики, как правило, единичны (см. Э. И. Диамант. Отчеты о раскопках Кошарского поселения в 1964, 1965, 1967, 1971 гг. — Научный архив ИА АН УССР).

⁵⁰ В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966, с. 167; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритики. — МИА, № 25, М.—Л., 1952, с. 250.

Приморского бульвара в Одессе существовало поселение и некрополь, занимающие вполне определенное место в ряду однотипных памятников античного времени побережья Северо-Западного Причерноморья между устьями Южно-Бугского и Днестровского лиманов.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ
В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
(к IOSPE, I², № 25)

Хранящийся в Одесском музее (инв. № 50 740) ольвийский декрет в честь Каллиника, сына Эвксена, высеченный на мраморном блоке, служившем некогда подножием статуи этого гражданина припонтийской Ольвии, найден более 125 лет назад (в 1848 г.), однако содержание указанного документа все еще во многом загадочно. Это объясняется прежде всего поврежденностью надписи, из которой видно лишь, что ольвиополиты наградили своего соотечественника тысячью золотых и статуей, посвященной от имени народа Зевсу Сотеру. Но каков был характер заслуг Каллиника, удостоенного столь высоких отличий? Судить об этом нелегко, так как, исходя из размеров камня, над строкой, формально считающейся в настоящее время первой, находился первоначально довольно значительный отрывок текста (8 или даже 9 ныне полностью утраченных строк), в котором и содержалось, помимо обычных вступительных предложений, обоснование присужденных Каллинику наград. Академик Ф. Б. Грефе, впервые опубликовавший надпись в книге своего ученика А. С. Уварова, нашедшего этот памятник в кладке ольвийской оборонительной стены, пытался установить содержание заключительных фраз мотивировочной части¹, но его дополнения к сохранившемуся тексту основывались, как показал П. В. Беккер, на произвольном изменении некоторых вполне уцелевших букв и не могут приниматься в расчет². Тем не менее и предложенная Беккером реконструкция четырех начальных строк документа (по его мнению, заслуги Каллиника выражались в том, что он, «прежде чем алтари и статуи, стоящие в храме Зевса, искажались, их вынес и святилище спас от уничтожения») не вполне удовлетворила академика В. В. Латышева, который не включил восстановленные Беккером строки в текст надписи, ограничившись воспроизведением всего этого отрывка в лемме как в первом, так и во втором издании первого тома IOSPE. Однако в другом месте В. В. Латышев, оговорившись, что «определение заслуг Каллиника представляется невозможным», повторил в наиболее существенных чертах догадки своего предшественника: из сохранившихся обрывков слов видно, пишет Латышев, что Каллиник «между прочим отнял у кого-то какие-то статуи, которым причинились повреждения, и воспрепятствовал порче какого-то здания или предмета»³. К сожалению, позднейшие исследователи исторических

¹ А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1. СПб., 1851, с. 60—61. По мнению Грефе, Каллиник, «возобновляя все, также велел выкрасить статуи и храмы, которые неприятель при тогдашнем своем пребывании повредил, и что он велел ломать камни на свой счет».

² П. В. Беккер. О заслугах Каллиника по надписи ольвийской. — ЗООИД, т. VI. Одесса, 1860, с. 131—133.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 246, прим. 40.

судеб Ольвии не проявили к занимающему нас документу никакого интереса и не внесли ничего нового в понимание его смысла.

Обращаясь к реконструкции текста Беккером, отметим прежде всего, что один из ее элементов — упоминание об алтарях — был по существу отвергнут уже Латышевым: в соответствующем месте на поверхности камня (стк. 2) действительно нет следов от предложенного Беккером чтения ΟΙ ΒΩΜΟΙ, так как перед конечной *иотой* этого слова отчетливо видна (и воспроизведена на выполненном по эстампажу рисунке фронтальной стороны памятника в IOSPE) нижняя наклонная черта *сигмы*, так что в конце второй лакуны в упомянутой строке читалось... ΣΙ, а не ...ΟΙ. Но находилось ли в той же строке указание на статуи? Вслед за буквами ΣΙ на камне читается ΚΑΙΑΝΔΡΙΑ и далее сохранился вертикальный штрих, который может быть не только левой гостой буквы *ню* (при чтении kai andriantes), но и *иотой*, что открывает возможность усматривать в уцелевших остатках текста упоминание о «мужественных деяниях» или «доблестных подвигах» (Nom. plur. в начертании andriai вместо andreiai) чествуемого лица. С другой стороны, если согласиться с тем, что в документе шла речь о статуях, чего полностью исключить нельзя, то эти последние не обязательно должны рассматриваться как храмовые кумиры богов, как это признавали Грефе и Беккер. Действительно, такие священные изображения обычно обозначались специальными терминами ta hede (НО, № 69) или ta agalmata⁴, тогда как hoi andriantes — просто «изваяния», «статуи» или «фигуры», представляющие чаще всего смертных. Именно в таком смысле употребляли это слово и ольвиополиты, о чем свидетельствуют как заключительные строки рассматриваемого декрета, так и несколько более поздний декрет в честь Никерата, сына Папия, который был посмертно награжден конной статуей — andrianta ephirron (IOSPE, I², № 34, стк. 26 и 31). Кроме того, интерпретация сохранившихся слов декрета в честь Каллиника eblaptonto и ten koren (стк. 3) учеными прошлого века также не представляется единственно возможной. В первом видели указание на действие, нашедшее выражение в «искажении» алтарей и статуй (Беккер) либо в «повреждении» только статуй (Латышев). Однако глагол blapto означает прежде всего «задерживать», «препятствовать», «мешать»; вполне вероятно, что в поврежденном месте надписи говорилось о том, что Каллиник отнял (на камне читается arheigeken) у неприятеля (?) возможность препятствовать каким-то своим действиям. Наконец, he kore вряд ли следует передавать однозначно словами «уничтожение» (Беккер) или «порча» (Латышев). Основное значение слова — «удар», «столкновение» (как в прямом физическом смысле, так и в переносном, например, военном значении), а затем «поражение», «разгром». Таким образом, в утраченных и поврежденных строках надписи речь могла идти о доблестных деяниях Каллиника, которые носили военный характер и привели к поражению противника.

При таком подходе к ничтожным остаткам первых строк документа легче, по нашему мнению, понять и далеко не обычный характер награждения Каллиника. Он удостоен прежде всего постановки статуи, т. е. наивысшей награды, какой располагали ольвиополиты, и к тому же статуя воздвигнута ему при жизни, тогда как во всех других подобных случаях граждане удостоивались такой почести только посмертно.

⁴ В римское время термин agalma применялся в Ольвии и по отношению к надгробным статуям (IOSPE, I², № 200).